

Маленькая поэма

Где это странное место?
Земля-то огромна...
Поиски вроде квеста
в пространстве загробном.
Там непременно есть Данте,
всякий знает...
Слово его – камнепадом
вскрывает тайны –
будни друзей и пространства,
в котором себя мы теряли,
правду о том, что есть страны,
где всё для нас тайна.
Это – обычная жизнь.
Если есть там такая...
Только о ней расскажи,
новизной привлекая.
Это – привычная смерть
иль рожденье героя?
Только посмей
позабыть про такое.
Тропы в стране той идут
прямо к точке опоры.
Нам не видать её тут –
на российском просторе...
Вот потому и уходят
искать её русский дети...
В сказках об этом читали...
В былинах пропели.

Как будто не было Сенеки,
и письма те писал другой.
И сын, прочтя, звонит с дороги –
он восхищён: о, Боже мой!
Зачем, скажи, мы повторяем
из века прожитое вновь?
Всё было... Пусть совсем не с нами.
Без телефонов и компов.
Я знаю душ и тел брожение.
Он знает тоже... Знал и тот,
что силы тратил пред сраженьем
с самим собой, самим собой.
Мы многое понять не сможем,
да и желающих теперь
совсем немного...
Книг немного...
Советчиков-инет – гурьбой.
О сын и дочь, вам жить в столетье,
в котором грамота совсем
исчезнет, и стихотворений
читать не будут перед сном.
Но если кто-то неумело
попробует слова скрести
по стенке ногтем... О Луцилий,
ты вновь родился, писем ждѣшь
и пишешь их спустя два века
опять Сенеке... вопреки
желаньям и привычкам, может;
за-ради чтения, поди.
Пусть чтец слога чуть разбирает
и прозревает, разобрав, иные смыслы...
Слышишь, каплет
мгновенье по минуте в тень.

И день короче, ночь длиннее,
и вечность манит, чтоб её...
Кипрей отцвёл. Репейник шаром
уже прилипнуть к ней готов.
Вот и ответ тебе, Сенека...
Как в типографии набор
рассыпаны семян сомненья
и эхо писем меж имён.

Лу... Кинь тот камешек ловчее.
Цинь... Скачет он песков и вод
по волнам. Ли... лиловый ливень.
Грибницы в рост. И грибники.
Туман и жар. И разговоры
сквозь сонный бред:
то, променявшие объятья,
два человека
топчут землю
часу в шестом...
Томленье, прочь!

Сенеки речь услышь, Луцилий,
бессмертного: ты – не один...
Есть люди в веке двадцать первом,
и тайны непрочтённых книг...

* * *

Настенная есть карта в доме.
Да вот она под старину.
Лет сорок – всё, что было, помнит:
не ставить же то ей в вину.

Я изучаю географию...
Во благо – карты гугл есть.
Уж как теперь они потрафили
подробностями разных мест.

Ткни пальцем букочки искомые,
сама подскажет сколь кэмэ
и как добраться, а бездомному:
почём и где искать отель.

Всё чаще разные названия
ищу... а прежде и не знал...
Вы думаете, это мания,
игра такая старика?

Ответ простой: не дома дети;
их носит из страны в страну.
Границ и языков несметно,
я ж вижу-слышу лишь одну...

Есть карта у меня настенная,
да вот она под старину...

* * *

Похоже, прав был, Ломоносов
Об изменении Земли.
Была, наверное, курносая,
Пока гуляли ледники,

О пики тёрлись безымянные,
Взбухая выше них порой,
Навстречу звёздочке туманной,
Где божий кров,

И силы внешние откуда,
Считая дни,
Творят,
(И это им нетрудно)
Во тьме – огни.

Я изучаю географию...
О как её я не любил.
Экзамен сдал почти на грани.
Про что? Увы, не сохранил
название страны далёкой.
Ну как её запомнить мне,
с какого мне, простите, бока
пустыни жар иль джунглей сень?
Потом, быть может, я поеду
служить в одну из тех пустынь...
Увы... не сам... Пойду по следу
воздушному... туда, где сын.
Туда... В предгорья иль приморье...
Туда... Где стужа или жар.
Где пребыванье наше вздорно,
бессмысленно, когда б не шар...
Когда Земля не форму шара
имела... по нему скользят
и убегая от пожара,
к нему ж стремимся мы в слезах.
Туда... смотрю, за мною следом
пылит дорога... Нас не счесть,
от географии в наследство
впитавших память, долг и честь.

Красные стрелы и чёрные стрелы войны...
Сколько за тысячи лет люди вас начертали?
Даже из космоса эти дороги видны:
Если не смерти, тогда – без сомненья – печали.
Жирные стрелки поверх...

* * *

Я звёзды в небе заново считаю
Который год,
Как будто цифры знают тайны –
Все наперёд,

Там, где поутру солнце всходит
(взбредая вверх),
гадаю о любви и о погоде
И жду ответ.
Но звёздочка не сходит с небосвода –
Не нам чета –
И слушает мой счёт стихов свободных:
Felicita.
А под ногами милая твёрдыня
(китов
                    скелет),
а может – радуга: едина,
как жизнь и смерть.

* * *

Наделяя бессмертьем обычный пейзаж,
ты при жизни его никогда не предашь –
каждый всплеск в нём – биение сердца;
стоит только глаза приоткрыть поутру,
а знакомец извечный уже тут как тут,
никуда от него нам не деться.

Убегали... другие пространства познать,
возвращались назад непременно во снах,
к тем бессмертным обычным пейзажам,
где такое же солнце и воздух, и свет,
где такая же вечность, такая же смерть,
но потомки и предки – лишь наши.

* * *

...Покинув верхний, на детский этаж
соскальзывал лестницей день-проныра...
Об этом скучно, наверно, читать,
но по перилам скатиться – мило.

И выкатиться с разбегу в постель.
И нос щекотать потоком тёплым
пылинок... и пусть шевелиться лень...
реснички колышутся меж светлым и тёмным.

И словно от глаз отодвинув стекло
(заранее копотью мазана линза),
увидеть, что снова всё ярко-бело,
и жмуриться, щериться будто капризно.

И снова глаза со всей силы зажав,
выталкивать прочь из сказания сонного
лучи... пусть взбегают на верхний этаж...
Чуть обождут...

И начнём всё снова...

* * *

Я изучаю географию.
Вот храм, лесок, погост, река...
Река стремится к водам Каспия...
за тыщу вёрст... издалека...
до самых берегов нефтяников,
где Нобель прежде богател...
Старо, вы скажете, предание,
давно он отошёл от дел.

И местных жителей волнуют
совсем другие кренделя...
На карте я найду страну ту,
с моей судьбой не разделя;
она сама, про комиссаров
меня учить стихи веля,
влекла к обилию базара,
питая, радуя и зля.

Потом был друг-поэт,
учил он своих детей,
детей чужих... (привет от Пушкина и Фета,
от Тютчева...) на языке
родном для неба и для снега –
на русском добром языке.

Теперь те дети с автоматом,
быть может, помнят и мои
стихи... Пускай набатом
в душе звучат у них они.
Пусть, географию нарушив
и карты все перечертя,
оставят нерушимой душу,
за Рубикон не перейдя.
Там берег чуждый и смертельный.
Там вечность боль одну хранит...
Географ – сгинь... пусть спит без дела
на картах вечности графит.

*с. Архангельское,
Рузский р-н, Московская обл.*

ОТ РЕДАКЦИИ:

Стихи Бориса Лукина предваряют публикацию рассказа «Письмо» его сына Ивана, героически павшего при освобождении Мариуполя. Этот рассказ поступил в редакцию ещё при жизни одарённого автора, прервавшего учёбу в Литературном институте, чтобы пойти служить в морскую пехоту. Гвардии матрос Иван Лукин удостоен ордена Мужества (посмертно), его именем названа улица в родном селе.

И по-особому сейчас звучит в рассказе трагическая тема внезапного ухода родного человека. Провидчески звучит... И сам рассказ Ивана Лукина – это в некотором роде посланное всем нам заветное письмо.